

Мартынов М. Ю.
(Россия, Москва–Чебоксары)

СЕМАНТИКА «НАРОДНОЙ ПРАВДЫ» В ТЕКСТАХ РУССКИХ АНАРХИСТОВ

Ключевые слова: анархизм, власть, правда, народ, царь.

Статья посвящена исследованию семантических особенностей «народной правды» в русском анархизме. Материалом для исследования является группа текстов ключевых фигур русского анархизма (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин), а также некоторые тексты листовок, манифестов и программ русских анархистов конца XIX – начала XX века.

Martynov M. Y.
(Russia, Moscow–Cheboksary)

SEMANTICS OF "THE NATIONAL TRUTH" IN TEXTS OF THE RUSSIAN ANARCHISTS

Key words: anarchism, power, truth, people, tsar.

The paper considers the concept of "the national truth" in texts of the Russian anarchists. Object of the analysis is the group of texts of key representatives of anarchical thought in Russia (M. A. Bakunin, P. A. Kropotkin), and also some texts of leaflets, manifestos and programs of the Russian anarchists of the end of XIX – the beginning of the XX century.

Идеализация общинной народной жизни, ее противопоставление государственным формам общежития, была характерна, как известно, многим представителям русского анархического движения. Русские анархисты видели в народе «небывалые близость к природе, протест против государства, способность к самоорганизации» [17]. Основное внимание в данной статье будет направлено на выявление семантических компонентов, встроенных в представление о *народной правде* и являющихся принципиальными для обоснования идеологии русских анархистов. Наш интерес обусловлен, прежде всего, неоднозначным статусом народа в русской культуре. С одной стороны, народ и государство имеют различную природу, что в целом принимается анархизмом, но с другой стороны, народ и монархическая власть с необходимостью взаимосвязаны. Как пишет А. Эткинд, «вплоть до эсеров, правящей партии в 1917 году, прогресс страны видели в отказе от имперского принуждения и одновременном развитии общинной самодеятельности; но два эти механизма оказались зловещим образом взаимозависимы. Между царем и общиной, вообще между монархической властью сверху и социалистическими практиками снизу, существовало единство интересов: обе препятствовали выделению индивида и капиталистическому развитию» [17]. Взаимосвязанность монархической власти и народа противоречит анархической идеологии и создает проблемную ситуацию, требующую осмысления.

Материалом для исследования будут тексты ключевых фигур русского анархизма (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин), а также некоторые тексты листовок, манифестов и программ русских анархистов конца XIX – начала XX вв. [1].

Для начала отметим, что реорганизация общественной жизни, после уничтожения государства, в понимании анархистов должна иметь направление «снизу вверх, от периферии к центру» [9. С. 114]. Путь «снизу вверх» осмысляется при этом как *естественный*. «Вместо того, чтобы следовать естественным путем снизу вверх, от низшего к высшему, и от сравнительно простого к более сложному [...] идеалистические мыслители, одержимые, ослепленные и толкаемые божественным призраком, унаследованным ими от теологии,

следуют совершенно противоположным путем» [5. С. 149–150]. «Так как он (М.М. – интернационал) не является сообществом, которое должно быть организовано сверху вниз авторитарным путем, деспотическими мерами его комитетов, так как он может организоваться только снизу вверх народным путем, стихийным и свободным движением масс, необходимо, чтобы массы знали все, чтобы не было от них правительственных тайн» [3. С. 112].

При этом народ имеет для строительства все, что необходимо. Как объясняет А. Янов, в основе бакунинского разрушения, лежит идеологическая конструкция «всесоцидающего “народного духа”», «вера в то, что, содрав, разрушив верхний, порочный, неистинный слой социальной структуры, мы найдем под ним вечный и неизменный пласт “народной правды”, метафизический источник добра и истины, “истинное просвещение”, освобождение от сатанинских “хитростей разума”» [18. С. 194]. Эта вера объединяет, согласно Янову, многих великих русских мыслителей. Она является общей, например, для Достоевского, Бакунина, Леонтьева, которые отличаются лишь постулатами, положенными в основание своей веры: «христианское просвещение народов» (Достоевский), «историческое чувство свободы» (Бакунин), «византизм» (Леонтьев).

Анархическая деятельность Бакунина направлена на высвобождение *народной правды*, являющейся ключом к «славянскому единству, славянской свободе, славянскому возрождению» [6. С. 139]. Где-то в самом народе сокрыто плодотворное жизненное начало, способное обновить мир. Отсюда и мессианская идея в речах Бакунина. Он не раз говорил о «великой будущности славян, призванных обновить гниющий западный мир» [6. С. 119] и о себе как о мессии, указующей верный путь. В письмах Бакунина можно найти следующие примеры: «Я вступил на путь, предназначенный мне провидением» [10. С. 246]. «Дорогие друзья, шествуйте быстрее по пути, который я вам укажу, по пути, который сам бог указывает вам моими устами [...]» [10. С. 353]. «Итак, разбейте все, мои милые друзья, и дайте мне руку. Я укажу вам истинный путь, и вместе со мною вы не падете, ибо я силен, ибо я смотрю в грядущее и люблю вас, и остаюсь вашим другом навек» [10. С. 306]. Но Бакунин не послушная игрушка в руках Бога, мессианство его не трансцендентно. Это скорее Штирнер, чем Гегель: «Я не хочу быть больше жалким игральным судьбы. Я – человек, и судьба должна признать мое иго. Пусть все исходит от меня самого» [10. С. 286].

«Народный характер», на который делает ставку Бакунин, внеисторичен, что сближает его с мифом. «Народный характер» не знает деятельностной активности. Последняя творчески направлена в будущее, а народное творчество обращено к прошлому, в котором оно способно найти готовые формы идеального общежития, совершенный социальный опыт, служащий идеальным критерием в оценке современности. Так же действует инстинкт – он срабатывает только на основе существующей программы, биологической или социальной. Народ и живет инстинктом, который тянет его «на сторону жизни, на сторону правды» [8. С. 83]. «Народный инстинкт, – утверждает Бакунин в статье “Коммунизм”, – никогда не ошибается» [7. С. 139]¹. На открытие этого пространства «народного инстинкта» и направлена анархическая мысль Бакунина.

Следуя своему инстинкту, народ безошибочно выбирает дорогу к свободе. Так как это очень важное положение, позволим себе несколько больших иллюстраций. «Таков широкий народный путь, путь действительного и полнейшего освобождения, доступный для всякого, и потому действительно народный, путь анархической социальной революции, возникающей самостоятельно в народной среде, разрушающей все, что противно широкому разливу народной жизни, для того, чтобы потом из самой глубины народного существа создать новые формы свободной общественности» [4. С. 234].

«Эти же не вышколенные социал-демократами рабочие массы, которых вы считаете ничего не понимающими, выбирают путь борьбы так верно, что в сравнении с ними все выдумки ученых людей о “путях освобождения пролетариата” являются очевидным

обманом». «Сам народ, без всякого руководства, поднимается и выступает на путь революционной борьбы» [1. С. 44, 92].

«И в своей новой работе, которая будет работой созидательной, народные массы должны будут рассчитывать прежде всего на свои собственные силы, на свою собственную инициативу и свой организаторский гений, свою способность проложить новые пути, потому что все буржуазное воспитание шло по совершенно противоположным путям» [12. С. 191].

Семантика *народной правды*, воплощенная в представлении о единственном правильном пути, которым следует народ, руководствуясь своим инстинктом, парадоксальным образом характеризует русский анархизм не как *левое* движение, а как *правое*. Во-первых, в русской культуре *правда* противопоставлена *кривде*. «"Правда" – следование прямой линии, а "кривда" – уклонение от прямой». При этом *правда* оказывается родственной *добру* и *радости* (родственное лат. *probus* означает добрый, честный, порядочный), а *неправда* или *кривда* – *злу* (такие слова как рус. злой, осет. *zīl кривой*, авест. *zbaγ- идти вкривь* – этимологически тождественны) [14. С. 462, 463; 16. С. 352]. *Правда* соответствует слову *правый*, которое объединяет такие значения, как *прямой, правильный, справедливый, праведный*. *Кривда* соответствует слову *левый*, которое родственно лат. *laevus*, означающее *изогнутый*.

Во-вторых, семантика слова *правда* связана с представлением о *божественном миропорядке*, а также с идеей договора Бога и человека. *Правда*, как отмечает Б. А. Успенский, «может пониматься как договор между человеком и Богом, и в этом смысле это слово семантически соотносится со словом *мир* "община"» [15. С. 191]. *Правда* отражает реальность духовного порядка, который поддерживает порядок земного существования.

Поскольку анархическая община конституируется *народной правдой*, семантика *Неба* оказывается как бы изначально встроенной в анархический идеал. Это звучит как парадокс, т.к. от анархизма, отрицающего власть, следует скорее ожидать обратного – не воспроизводство сакрального, а его прорыв, ведь как раз сакральное обеспечивает легитимность власти, питает ее вневременными и эссенциональными смыслами.

Верный, правильный путь анархистов связан с властью еще в одном отношении. Как отмечает в «Константах...» Ю.С. Степанов, «эквивалентом рус. *правъ, правый* служит латин. *rectus* с теми же основными значениями. Оно восходит к существительному *rex, regis*, означающему "царь"» [14. С. 462]. Этимологической основой *rex* является и.-е. корень *reg-* со значениями *прямой, направлять*. Следуя объяснениям Э. Бенвениста, можно заметить эту *прямую линию* у слов, связанных с *reg-*. Например, *regio* – это изначально «точка в движении по прямой», *regula* – «инструмент для проведения прямой линии, линейка», причем *прямая линия* может пониматься не только в физическом смысле, но и в нравственном (как в приведенном выше примере противопоставления *правды* и *кривды*). Проводить такие правильные линии, обозначающие черты правопорядка, отделяющие священное от мирского, может только лицо, находящееся ближе всех остальных к священному, к *axis mundi* и поэтому обладающее самой высшей властью. Таким образом, «латинский *rex* должен рассматриваться не столько как самодержец, сколько как человек, проводящий линии границ или прокладывающий путь» [11. С. 252].

Семантика неба и власти, встроенная в представление о народной правде, воспроизводится в текстах русских анархистов, во-первых, за счет указаний на святость народного единства, а во-вторых, за счет признания необходимости царской власти.

Например, для М.А. Бакунина русский царь не случайный диктатор, он имеет историческое значение в деле освобождения славян. «Не я один, множество других, поляков и европейцев вообще, сознавали со мною, что между всеми ныне царствующими венценосками Вы только один, государь, сохранили веру в свое царское призвание» [6. С. 128]. От царя только требуется ограничить свою политическую власть. Он должен стать надежным национальным куполом для «вольной и великой федерации всех славянских народов» [6. С. 140].

В целом отношение к царю у Бакунина непростое. В отдельных фрагментах текстов Бакунина можно встретить мысли о свержении монархии: «Государь, я уверил себя, что Россия, для того чтобы спасти свою честь и свою будущность, должна совершить революцию, свергнуть Вашу царскую власть, уничтожить монархическое правление и, освободив себя таким образом от внутреннего рабства, стать во главе славянского движения» [6. С. 151]. В других фрагментах Бакунин объявляет замысел свержения монархии неправильным: «Несмотря на все политическое безумие, я не мог быть цареубийцею» [6. С. 129].

Любопытно отметить, что Бакунин был противником «панславизма», но «панславизма» государственного, официального, соответствующего формуле, предложенной М.П. Погодиным, «Православие, Самодержавие и Славянство», которая на закате правления Николая I сменила прежнюю политику² «официальной народности», разработанную С.С. Уваровым.

«Уже в двадцатых годах, – пишет М.А. Бакунин, – тайное общество демократов, а именно южная отрасль этого общества, руководимая Пестелем, Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым возымело первую мысль о вольной всеславянской федерации. Император Николай овладел этой мыслью, но переделал ее по своему. Всеславянская вольная федерация обратилась в его уме в панславистское единое и самодержавное государство, разумеется, под его железным скипетром» [4. С. 139]. В этом «громдном и всепоглощающем» государстве, в этом «царстве штыка и кнута» [4. С. 36] невозможна никакая народная жизнь, так как государство это – «кнотовое, С.-Петербургское» [4. С. 110]. Понятый так панславизм, согласно Бакунину, – «свободо-противный и народоубийственный» [4. С. 102].

Славянская общность – не механическое собирание частей в одно искусственное целое, как раз таким искусственным является «государственное тело» [2. С. 54], напротив, эта общность отмечена изначальным единством, поэтому собирание славян в одну общность имеет естественный характер. Это не простое территориальное присоединение, имеющее государственно-политический смысл, но единение метафизическое, как говорит Бакунин, «святое единение» [2. С. 55]. Отсюда и революционная деятельность по утверждению славянского единства – «святая и правая» [2. С. 51]. «Святыми» он также называет и восстание, и войну [2. С. 40], если они совершаются ради освобождения и объединения славян. «Я, как русский, вижу спасение моих земляков только в общности со всеми остальными братьями, в федерации свободных племенных союзов. Вы знаете, что я поставил задачей своей жизни стремление к этой великой и святой цели» [2. С. 56].

Святость славянского единства должна быть обеспечена идеальным проводником – царем, который способен устанавливать отношение с трансцендентным и быть проводником святости, гарантом правды. От царя требуется ограничить свой деспотизм, превратиться из фигуры политической в фигуру сакральную, и в этом качестве возглавить народное движение. *Семантика неба во взаимоотношениях царя и народа является центральной.* В «Народном деле» М. А. Бакунин подчеркивает, что царь – «идеал русского народа, это род русского Христа, отец и кормилец русского народа, весь проникнутый любовью к небу и мыслью о его благе» [8. С. 81].

Восприятие царя как «отца и кормильца русского народа» выглядит очень странно в контексте общих мировоззренческих установок русского анархизма. «Отец народа» скорее близок принципу отеческого управления государством и принципу централизации, которым анархисты противопоставляли принципы федерализма и свободной коммуны. Эта противоречивая ситуация обусловлена, как нам кажется, особенностями воспроизводства мифологии *народной правды* в анархическом дискурсе. С одной стороны, священный характер *народной правды* подчеркивал естественность и эссенциальность безгосударственных основ народной жизни, но с другой – причастность к священному можно было обеспечить только за счет царя и его власти.

К началу XX века в текстах русских анархистов роль царя как кормильца, защитника и отца русского народа переосмысливается. Царь перестает быть защитником: «Товарищи, после 9-го января [...], после всех кровавых событий, пронесшихся от конца до конца по всей земле русской, мы поняли, что царь нам не защита [...]» [1. С. 115]. Из *кормильца* царь превращается в *царь-голод*: «Бери молот и... царь-голод будет уничтожен» [1. С. 249].

Идея царя как отца народа в начале 20 века также оказывается несостоятельной. Отрицание государства именно как отечества, осуществляющего контроль во имя идеи общего блага, становится типичным для текстов русских анархистов начала XX века: «То, что называют отечеством или государством, для работников есть дьявольская машина, созданная для грабежа, насилия и убийств» [1. С. 410]. «У нас нет отечества. Наше Отечество – Всемирная Революция» [1. С. 406]. Модель взаимоотношений власти и народа по образцу «отец – ребенок» будет реализована после 1917 года в конструировании взаимоотношений «советской власти» и «советского народа».

Итак, поиск *народной правды* в текстах русских анархистов воспроизводится как поиск идеальных (святых) общественных отношений, свободных от государственного начала. Святость анархической *общины*, обеспечена святостью *правды*, изначально заключенной в народе. Государство и его власть необходимо разрушить, чтобы освободить естественное начало народного духа, творческие силы которого способны обновить мир, переустроить его на принципах федерализма и самоорганизации. При этом в представление о *народной правде* встроена семантика *неба и власти*, воспроизводящаяся в текстах русских анархистов за счет указаний на святость народного единства и необходимость для его осуществления царской власти. *Народная правда* и связанная с ней семантика власти не противоречат отношениям взаимозависимости царя и народа, о которых выше говорил А. Эткинд. Анархический дискурс, напротив, оказывается внутренне противоречивым. *Народная правда*, включенная в основания анархического проекта, предполагает условия метафизического утверждения власти, анархизм же в целом направлен на отрицание власти в любых ее формах.

Сноски к статье

1. Эту мысль в дальнейшем точно повторит П.А. Кропоткин. В «Речах бунтовщика» он тоже скажет о том, что «народный инстинкт не ошибается» [13. С. 176].
2. «Политическую религию», как называл ее С.С. Уваров [19. С. 45].

Список литературы

1. Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг. В 2 т. Т. 1. 1883-1916 гг. – М. : РОССПЭН, 1998. – 704 с.
2. Бакунин М. А. Воззвание к славянам // Бакунин М. А. Избранные сочинения. В 5 т. Т. 3. Федерализм, социализм и антитеологизм. – Петербург ; М. : Голос труда, 1920. – С. 47–65.
3. Бакунин М. А. Доклад об Альянсе // Бакунин М. А. Избранные сочинения. В 5 т. Т. 5. «Альянс» и Интернационал. Интернационал и Мадзини. – Петербург ; М. : Голос труда, 1922. – С. 79–146.
4. Бакунин М. А. Избранные сочинения. В 5 т. Т. 1. Государственность и Анархия. – Петербург ; М. : Голос труда, 1919. – 320 с.
5. Бакунин М. А. Избранные сочинения. В 5 т. Т. 2. Кнуто-германская империя и социальная революция. – Петербург ; М. : Голос труда, 1919. – 296 с.
6. Бакунин М. А. Исповедь // Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876 гг. В 4 т. Т. 4. В тюрьмах и ссылке. 1849–1861. – М., 1935. – С. 98–207.

7. Бакунин М. А. Коммунизм // Бакунин М. А. Анархия и Порядок: Сочинения. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 131–141.
8. Бакунин М. А. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М. А. Избранные сочинения. В 5 т. Т. 3. Федерализм, социализм и антитеологизм. – Петербург ; М. : Голос труда, 1920. – С. 75–91.
9. Бакунин М. А. Речь на конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. // Бакунин М. А. Избранные сочинения. В 5 т. Т. 3. Федерализм, социализм и антитеологизм. – Петербург ; М. : Голос труда, 1920. – С. 103–117.
10. Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876 гг. В 4 т. Т. 1. Догегелианский период. 1828–1837. – М., 1934. – 488 с.
11. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
12. Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. – М. : Эксмо, 2004. – 864 с.
13. Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 184 с.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
15. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). – М. : Гнозис, 1994. – 240 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.
17. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 49. – С. 50–74.
18. Янов А. Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский и К. Леонтьев) // Двадцать два. – 1978. – № 4. – С. 191–210.
19. Янов А. Л. Россия и Европа : в 3 кн. Кн. вторая. Загадка николаевской России. 1825–1855. – М. : Новый хронограф, 2007. – 504 с.